

Хуа Маньлоу — фигура поистине легендарная. В «Легенде о Лу Сяофэне» едва ли не каждый, кто встречал его впервые, отказывался верить в его слепоту. Ему приходилось раз за разом терпеливо объяснять это собеседникам, но неизменная мягкость и искренняя теплота, с которыми он это делал, неизбежно располагали к нему людей.

Цзинь Цин стоял на сцене. На нём не было ни традиционного халата с широкими рукавами, скрывающего недостатки фигуры, ни длинных струящихся волос, ни изящного веера — вечного атрибута благородных мужей прошлого. Только он сам в современном облегающем костюме.

Цзинь Цин закрыл глаза. Когда он снова открыл глаза, его живой, выразительный взгляд странным образом угас.

За долю секунды он преобразился. Потухший взор завораживал и пугал одновременно: юноша стал похож на прекрасную фарфоровую куклу с невидящими глазами. Он по-прежнему оставался невероятно красив, но эта пустота во взгляде лишала его бывшего очарования. Казалось, обрети он зрение, и блеск его глаз затмил бы всё вокруг.

Зрители в зале затаили дыхание — никто не мог отвести от него глаз.

И вдруг Цзинь Цин двинулся с места, словно прекрасная кукла внезапно ожила. Его шаги были неспешными, но на удивление уверенными — так спускается по ступеням человек, который прекрасно видит дорогу перед собой.

Разве такого назовешь незрячим? Если не всматриваться в расфокусированный взгляд, ни одно движение, ни один жест не выдавали в нём слепца.

— Разве может такой человек быть слепым?

Члены комиссии недоумённо переглянулись. Юноша двигался невероятно плавно и изящно, куда естественнее многих зрячих. Назови его слепым — и покажется, будто слепы все остальные вокруг.

Но стоило снова поглядеть ему в лицо, как в мыслях присутствующих с новой силой вспыхивал невольный вопрос:

«Ты правда ничего не видишь?»

Он едва не произнёс это вслух, но разум вовремя прояснился. Конечно же нет! Это всего лишь пробы. Перед ними здоровый актёр, чей взгляд ещё минуту назад сиял энергией. Но в этом и крылось его мастерство: Цзинь Цин умудрился полностью погасить этот внутренний огонь, оставив лишь кроткую, подёрнутую дымкой пустоту.

Цзинь Цин мягко улыбнулся. В его улыбке сквозило такое всепрощение, будто она могла

утешить любую мировую скорбь. Совершил ошибку? Ничего, ведь главное — вовремя опомниться. Жалеешь о прошлом? Пустяки, всё ещё можно исправить, жизнь прекрасна. Твоё мнение отличается от моего? Ну и пусть, ведь каждый человек — это целый мир.

Хуа Маньлоу безгранично любил жизнь. Не только людей — он дорожил каждой травинкой и каждым цветком. В его лишённом красок мире бутоны пели собственные песни: под лаской тёплого ветра каждый лепесток шелестел на свой лад, и этот шорох казался незрячему юноше весёлым смехом.

В жестоком мире боевых искусств Хуа Маньлоу стоял особняком, однако никто не посмел бы сказать, что он здесь чужой. Напротив, он удивительно гармонично вписывался в окружающий хаос. Не имея возможности созерцать этот мир, он продолжал преданно его любить.

И тут Элвис, до этого молча стоявший в стороне, сделал шаг вперёд.

— Хуа Маньлоу, — позвал он, словно старого друга. В его голосе проскользнула едва уловимая теплота.

В романе-первоисточнике Симэнь Чуйсюэ и Лу Сяофэн были близкими друзьями. Хуа Маньлоу тоже дружил с Лу Сяофэном. Напрямую пути гениального мечника и слепого юноши почти не пересекались, но благодаря общему другу их встреча была неизбежна. И какой же она будет?

Наблюдая за игрой Цзинь Цина, Элвис внезапно почувствовал жгучее любопытство. Симэнь Чуйсюэ жил мечом. Он убивал — пускай лишь негодяев, но сама смерть претила философии Хуа Маньлоу. Как поведёт себя слепец перед лицом живого воплощения беспощадной стали? Элвису не терпелось это узнать.

Цзинь Цин внутренне замялся. Без ложной скромности, во всём зале никто не знал вселенную «Легенды о Лу Сяофэне» лучше него. Первая встреча этих двоих была ключевой сценой, и принять вызов Элвиса, сыграв строго по канону, для него не составило бы труда.

Но в этом и крылась загвоздка. В эту эпоху фильм снимали под названием «Решающая битва на вершине Запретного города», а здешнее общество знало лишь общие черты персонажей и имя Хуа Маньлоу. Не зная, какой сценарий подготовил режиссёр и как именно переписали сюжет, подыгрывать Элвису вслепую было чертовски рискованно.

Цзинь Цин не стал скрывать секундного замешательства. На пробах мыслящий актёр ценится куда выше, чем бездумный исполнитель чужих команд.

Кино — это не прямой эфир. У режиссёра и сценаристов всегда есть время обсудить детали с актёром, чтобы вместе довести образ до совершенства.

Элвис сразу заметил это мимолётное колебание. Поругав себя за излишнюю порывистость, он

уже собирался было мягко отступить, чтобы не портить партнёру пробы.

Но в этот момент Цзинь Цин сделал шаг назад. Он слегка приподнял подбородок, устремив невидящий взор прямо в холодные глаза Элвиса. Между ними на мгновение проскочила искра невидимого противостояния, но уже в следующую секунду юноша мягко улыбнулся. Эта улыбка отличалась от прежней — теперь в ней сквозило вежливое, едва заметное отчуждение.

— Мастеров столь безупречной лёгкости в подлунном мире можно пересчитать по пальцам.

— Симэнь Чуйсюэ, — холодно отозвался Элвис.

— Вот оно что... — На лице Цзинь Цина отразилось понимание. — Наслышан.

— Снято! Великолепно! — Режиссёр Винсент вскочил со своего места. Осознав, что увлёкся, он добродушно хлопнул себя по лбу. — Совсем забылся, решил, что мы уже на съёмочной площадке. Отличная работа! Тебя ведь зовут Цзинь Цин, верно?

Цзинь Цин мгновенно вышел из образа. В его глазах снова заплескался живой, тёплый свет. Вежливо поклонившись, он ответил:

— Да, господин режиссёр.

— Твоя игра превзошла все ожидания. И то, как ты подхватил импровизацию Элвиса... Ну что, согласен на эту роль? — Винсент задумчиво потёр подбородок. Его добродушная улыбка растаяла, уступив место предельной серьёзности, свойственной истинному мастеру своего дела.

Только сейчас Цзинь Цин до конца понял, почему пресса превозносила этого человека. Винсент раз за разом бил кассовые рекорды. Если он загорался идеей, то шёл до конца, вкладывая в съёмки всю душу. В этом крылось его невероятное обаяние и непреклонная воля творца.

Услышав вопрос, Цзинь Цин открыто улыбнулся. В его взгляде больше не было мягкости Хуа Маньлоу — в нём вспыхнул азарт уверенного в себе профессионала:

— Безусловно. Я пришёл сюда именно за этой ролью.

— С твоим талантом играть столь незначительного персонажа — почти расточительство. У тебя есть на то особые причины? — Винсент внимательно оглядел юношу. С такой внешностью и мастерством Цзинь Цин мог бы выбирать из сотен главных ролей у лучших режиссёров Федерации. Зачем ему крошечный эпизод?

Яо Чжэньни до боли сжала кулаки. С самой первой секунды прослушивания она словно провалилась в ту далёкую, воссозданную актёром эпоху. Перед глазами стоял живой образ, казалось, протяни руку — и коснёшься этой тёплой, ласковой улыбки.

Она долго не могла прийти в себя. Сердце щемило от жалости к Хуа Маньлоу, но в то же время душу заливал странный покой, исцеляя ту пустоту, что порой приносит с собой век бездушных технологий. Если слепой юноша находил в себе силы радоваться жизни, то почему она унывает?

Осознание этого выдернуло Чжэньни из оцепенения. Она уже собиралась броситься поздравлять подопечного, как вдруг услышала вопрос Винсента. Вспомнив их недавний разговор, она затаила дыхание и уставилась на Цзинь Цина.

«Боже, только не вздумай сказать правду! — взмолилась она про себя. — Перед тобой сам Винсент, режиссёр первой величины во всей галактике!»

Цзинь Цин слегка прикусил губу, его глаза лукаво блеснули. Помолчав, он самым серьёзным тоном выдал:

— Если честно, господин режиссёр, поначалу я выбрал эту роль просто потому, что имя персонажа красиво звучит.

— Любопытная причина, — раздался голос Элвиса.

Мегазвезда уже полностью вышел из роли холодного мечника. На его безупречном лице всё ещё лежала тень привычной суровости, но в глазах появилось живое тепло, делаая его образ куда более человечным и притягательным.

— Ты с самого начала глаз с него неводишь, — усмехнулся Винсент.

— Разумеется, — спокойно подтвердил Элвис. — Он мне очень нравится.

В зале повисла оглушительная тишина. Присутствующие ошарашенно переглядывались. Неужели сам Элвис только что открыто признался в симпатии? Да ещё и к кому — к обычному Бете?!

Даже ко всему привычный Винсент округлил глаза от изумления:

— Дружище, девяносто процентов Омег в Федерации мечтают о тебе. Стоит пальцем пошевелить — и выбирай любую идеальную пару с запредельной совместимостью! Зачем тебе сдался Бета?

— Услышала бы твои слова Ассоциация Омега, они бы заявили сюда и разорвали тебя на части, — невозмутимо парировал Элвис.

— Полно тебе, — Винсент развёл руками, и на его пухлом лице появилась добродушная усмешка. — Я всего лишь скромный Бета. Настоящая кость в горле Ассоциации — это великий бог Элвис, пленивший сердца всех их подопечных.

Элвис лишь промолчал в ответ.

— Ладно, сдаюсь, — примирительно проворчал режиссёр. — И всё же, почему именно этот парень? Он ведь самый обыкновенный Бета.

— Разве он не прелесть? — Элвис мягко улынулся. В его взгляде читались искренний интерес и симпатия. С самой первой секунды, как он увидел Цзинь Цина, в его груди шевельнулось странное, неведомое доселе чувство. Сначала он вызвался подыграть ему на пробах, теперь вот вмешивался в разговор с режиссёром... Элвис впервые в жизни ловил себя на том, что теряет хладнокровие. Юноша действительно его зацепил.

Винсент прекрасно понял намёк. Они дружили почти десять лет, и за всё это время он ни разу не видел, чтобы Элвис проявлял к кому-то подобный интерес — пусть пока лишь на уровне чистого восхищения талантом.

С этой мыслью режиссёр перевёл взгляд на главного виновника переполоха и весело подмигнул:

— Цзинь Цин, ну а ты что скажешь? Каково это — получить признание от самого Элвиса? Кто знает, вдруг именно тебе суждено увести этого завидного холостяка прямо из-под носа толпы Омега!

Цзинь Цин удивлённо захлопал глазами, уставившись на Винсента. После долгой паузы он невинно уточнил:

— Разве Великий бог сейчас признавался в любви? Мне показалось, он просто выразил поддержку новичку.

Окружающие посмотрели на него с немым укором — ведь слова Элвиса прозвучали более чем серьёзно. Но, взглянув на совершенно спокойное лицо самого виновника торжества, все облегчённо выдохнули, решив, что это была лишь дружеская шутка:

— А-а-а, вон оно что...

— Ну надо же, — хмыкнул Винсент.

— Именно, — невозмутимо подтвердил Элвис.

<http://bllate.org/book/19005/1911763>